

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

DOI 10.22394/1682-2358-2022-5-110-121

*N.P. Mironova, Candidate of Sciences (History), Researcher in the Ethnography Sector, the Institute of Language, Literature and History of Komi, Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*

*G.Yu. Ustyantsev, Candidate of Sciences (History), Assistant of the Ethnology Department, History Faculty, Lomonosov Moscow State University*

## YOUTH OF THE KOMI REPUBLIC DURING THE COVID-19 PANDEMIC: SOCIAL DIMENSION OF THE CRISIS

Based on the data of sociological surveys of 2020-2022, the authors scrutinize the social transformations that occurred among the modern student youth of the Komi Republic during the COVID-19 pandemic. Features of interpersonal interaction and social activity of students in the Komi Republic during the crisis conditions, self-isolation and distance learning are identified.

*Key words and word-combinations:* regional biopolitics, youth of the Komi Republic, COVID-19, pandemic.

*Н.П. Миронова, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук (email: sidnar@mail.ru)*

*Г.Ю. Устьянцев, кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (email: ustyantsev@mail.ru)*

## МОЛОДЕЖЬ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КРИЗИСА

*Аннотация.* На основе данных социологических опросов 2020–2022 гг. авторы рассматривают социальные трансформации, произошедшие в среде современной студенческой молодежи Республики Коми в период пандемии COVID-19. Выявляются особенности межличностного взаимодействия и социальной активности студенческой молодежи в кризисных условиях самоизоляции и дистанционного обучения.

*Ключевые слова и словосочетания:* региональная биополитика, молодежь Республики Коми, COVID-19, пандемия.

Пандемия COVID-19, распространившаяся в России в первые месяцы 2020 г., обострила социально значимые для граждан проблемы и сложившиеся в российском социуме противоречия.

Тяжелыми социально-экономическими последствиями обернулся для населения ряд ограничительных мер, направленных на снижение роста заболеваемости — режим самоизоляции, перевод образовательного и трудового процессов в удаленный формат (локдаун, или «удаленка»). В настоящее время проводится множество исследований влияния пандемии и карантинных мер на различные аспекты жизни современного общества. Последствия пандемии в их социально-культурных проявлениях, восприятие COVID-19 демографическими, этническими группами, отражение эпидемиологической паники в СМИ становятся основной проблематикой медицинской антропологии и биоэтики. Ученые рассматривают эпидемию как многоаспектный феномен, изучая связанные с ней биополитические проблемы, пространство интернет-дискуссии, нарративы о болезни и лечении [1].

Лейтмотивом многих антропологических исследований пандемии COVID-19 стала тематика социально-экономического кризиса и моделей его преодоления. «...Высокий пессимизм отмечался у жителей двух российских столиц; кроме этого, российская молодежь не выделяется на фоне сограждан повышенным оптимизмом» [2]. Полученные результаты согласуются с данными международных исследований об ухудшении социальных настроений молодых людей. Пандемия COVID-19 оказала существенное воздействие на миграционные потоки в российском социуме, привела к росту внутренних миграционных процессов, прежде всего к массовому оттоку горожан во внегородские пространства [3]. Более того, в период пандемии явственно проявился экономический кризис, который возник ровно через десять лет после окончания кризиса 2008—2010 гг. [4, с. 145]. Перевод сотрудников на удаленную работу сопровождался снижением эффективности труда при увеличении объема рабочего времени; сокращением доходов, тревогой населения относительно стабильности рабочего места и доходов [5].

Особую актуальность по некоторым причинам приобретают исследования ценностных ориентаций, моделей общения и повседневных практик региональной молодежи в период пандемии COVID-19. Во-первых, молодежь представляет наименее защищенную в социальном плане категорию населения, в значительной степени изменившую привычный активный стиль жизни, учебные и коммуникативные практики. Во-вторых, жители нестоличных регионов в большей степени ощутили социальные последствия локдауна и несовершенство местных здравоохранительных систем. Особый интерес представляют взгляды молодых людей в возрасте 18—23 лет, занятых в основном учебной деятельностью и не имеющих постоянного стабильного дохода.

По данным Комистата, на начало 2021 г. численность молодежи от 15 до 30 лет в Республике Коми составлял 135 346 чел., или 17% от общей численности населения региона. Численность молодых людей от 15 до 30 лет по МО ГО «Сыктывкар» — 50 289 чел., из них студентов вузов и колледжей — около 25 000 чел. [6].

Данная публикация основана на результатах опросов, осуществленных в 2020–2021 гг. в рамках проекта «Социологическое исследование, посвященное изучению этнополитических и этнокультурных процессов в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации (на примерах национальных республик)» (далее — Материалы социологического исследования). Исследование по методу анкетного опроса проводилось в 2020 г. совместно с Учебно-научным центром изучения этнополитических и этнокультурных процессов Российского государственного гуманитарного университета по согласованию с Министерством науки и высшего образования РФ. В нем приняли участие 150 студентов Республики Коми (45,3% — женского пола и 54,7% — мужского пола), а также тридцать экспертов — представителей органов власти, профильных министерств, вузов и общественных организаций Республики Коми. В 2021 г. были опрошены двести студентов Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина и Сыктывкарского лесного института. Данные опросов дополнены нарративами двенадцати полуструктурированных интервью, собранных в Сыктывкаре в марте — апреле 2022 г. (далее — Полевые материалы авторов, ПМА). Выбрана возрастная категория респондентов — люди в возрасте 18–23 года с учетом равного гендерного распределения. Интервью проводились в формате онлайн-опроса в социальной сети «ВКонтакте». Для социологического анализа были использованы тексты нарративов с фокусом на проблемы переживания и восприятия пандемии.

Основное внимание в исследовании уделяется анализу представлений современных студентов Республики Коми об изменениях их повседневных практик в период пандемии, отношению к вакцинации, трансформациям в структуре межличностного взаимодействия, влиянию пандемии на частную жизнь и приобретению новых навыков в условиях дистанционного обучения.

Во многих социумах, пострадавших от пандемии COVID-19, произошел раскол по вопросу одобрения строгих ограничительных мер, связанных с выходом на улицу, ношением масок, посещением общественных мест [7]. Н.А. Маничкин, анализируя «биополитическую дискуссию», развернувшуюся в российском социуме и медиапространстве в результате карантинных мер, отмечает разное

отношение к ограничительным мерам (обязательной самоизоляции, социальной дистанции и т.п.) среди лидеров мнений и пользователей сети. Некоторые граждане считают методы борьбы с эпидемией последствием информационной паники, а влияние вируса на здоровье и смертность преувеличенным. Вызывает споры и попытка установления тотального контроля со стороны государства над здоровьесберегающими индивидуальными практиками. В ходе дискуссии о запретительных мерах, введенных государством в условиях пандемии, приводились данные по результатам опросов: мало кто из респондентов полностью отрицает эпидемиологическую угрозу, скорее высказывается недовольство императивным характером некоторых карантинных мер [8].

К числу значимых социально-демографических факторов, связанных с восприятием пандемии, составляющей эпидемиологическую угрозу, и более ответственным соблюдением профилактических мер, чаще всего относят социальный статус, уровень образования, возраст и пол [9]. Высокий социальный статус, как правило, сочетается с большей осведомленностью о рисках пандемии и выполнением ограничительных мер, введенных государством, а группы с низким социально-экономическим статусом в большинстве международных исследований идентифицированы как группы общественного риска. Выявляются также различия между поведением молодежи и представителей старших возрастных групп в период пандемии. Как правило, чем человек старше, тем тяжелее протекает болезнь, поэтому молодые люди, меньше опасаясь заражения, игнорируют отдельные ограничительные меры и сомневаются в необходимости вакцинации.

Среди опрошенных студентов были и те, кто считает, что пандемия — это «раскрученный» средствами массовой информации и органами власти феномен, тренд, усматривают элемент заговора: «Вообще не верю в пандемию, это все искусственно создано в экономических целях, чтобы нажиться на вакцинах и масках» (ПМА, Сергей, 19 лет). «Ковид-скептиков» намного меньше среди тех, кто не понаслышке знает об этой болезни (болели сами или их близкие), они больше боятся заразиться и опасаются за здоровье близких: «Когда только начался ковид, я не верила, гуляла везде, маску не носила, а когда мы сильно всей семьей болели, это было страшно, собаку не могли вывести гулять. Как поправились я уже очень опасаясь, стараюсь меры соблюдать» (ПМА, Василиса, 23 года).

Молодые люди, прослеживая изменения в привычной жизни после пандемии, отмечают ограничения на посещение публичных мест, снижение частоты «живого» общения: «Я думаю, что сильно сказалось

закрытие публичных мест развлечения и досуга. Если говорить о менее активной части молодежи, наподобие меня, то, исходя из своего опыта, могу сказать, что ничего не изменилось» (ПМА, Вадим, 20 лет); «Одно из самых заметных изменений — невозможность посещать концерты, выставки и прочие мероприятия. Самое тяжелое — затрудненное живое общение с людьми: друзьями, преподавателями, членами семьи» (ПМА, Руслана, 21 год). Социологический опрос, проведенный среди россиян, выявил тенденцию к большей изоляции молодого поколения (в возрасте до тридцати лет) по сравнению с другими демографическими группами, но при этом для данной категории изоляция воспринималась наиболее тяжело [10, с. 148].

Особое место в исследовательском поле занимают работы, связанные с оптимизацией проблемы восприятия различными социальными группами вакцинации и ее императивном характере. По данным социологического опроса ВЦИОМ 2021 г., большая часть россиян (65%) положительно относится к массовой вакцинации, однако среди граждан старше шестидесяти лет уровень поддержки — наибольший и составляет 81%. Поддержка массовой вакцинации со стороны 18–24-летних значительно ниже: 16% респондентов относятся положительно, 32% — скорее положительно. Выявлен «парадокс переболевшего COVID-19», заключающийся в том, что, с одной стороны, перенесшие инфекцию признают опасность пандемии, а с другой — не всегда соблюдают ограничительные и профилактические меры. Социальной дистанции придерживаются лишь 49,5% переболевших студентов и 61,1% не болевших. Кроме того, опасение, что заразятся близкие, беспокоит респондентов в большей степени, чем риск заболеть самому [11].

Ношение медицинской маски является одним из важных маркеров доверия населения к антиковидным мерам властей. По результатам международного социологического опроса 2020 г., Россию можно отнести к категории стран, в которых данная предупредительная мера часто игнорировалась. Возраст не является значимым показателем, влияющим на использование маски в общественных местах. Более того, появление в респираторе или маске первое время воспринимались как «что-то чуждое и странное» [12, с. 79]. В целом социологические опросы показывают различное отношение молодежи к соблюдению санитарно-гигиенических предписаний. Не все авторы связывают возраст с добросовестным исполнением новых норм. Вероятно, расхождения в данных опросов общественного мнения объясняются различным объемом выборок респондентов, их географическим охватом и структурой опросников.

Социологический опрос в Республике Коми свидетельствует, как правило, в осознанном отношении молодежи к требованиям и ограничениям со стороны власти. Молодые люди следующим образом характеризуют процедуру вакцинации: «Я сделала 2-компонентную вакцину. Отреагировала нормально, не испугалась. Волновало только, последствие какое будет. В итоге все прошло хорошо, немного плохое самочувствие было, а так все хорошо. Среди друзей были те, кто против. Некоторые так и не сделали, а кто-то все-таки решился. На практику бы не пустили, если бы не сделали» (ПМА, Тоня, 18 лет). В студенческой среде санитарные требования руководства образовательных институций и органов государственной власти сначала выполнялись вынужденно, а затем начали восприниматься как данность.

Распространение эпидемии коронавируса сопровождалось так называемой «инфодемией» — массовым распространением псевдомедицинских советов и фейковых новостей (fake news) о пандемии COVID-19 в социальных сетях. В основе этих «зонтных» терминов лежит интуитивная идея, что объект изучения — ложная информация, противоречащая официально подтвержденным или научным данным [13]. Важно, что на волне «информационного шума» во многих регионах мира получили распространение новые культурные стереотипы и предрассудки. Так, достаточно популярными в медиадискурсе стали нарративы о поиске «нулевого пациента», потенциальной эпидемиологической опасности той или иной этнической группы. Публичной критике, как потенциальные разносчики инфекции, подверглись мигранты и туристы [14].

Большую роль в конструировании культурных стереотипов играли СМИ (телевидение, Интернет, социальные сети). Нередко в ковидный и постковидный периоды медиаресурсы рисовали обобщенный и упрощенный образ эпидемиологической обстановки и политики местных властей в определенной стране. В текстах СМИ минимизируются различия между разными категориями населения, игнорируются важные факты. Как правило, масс-медиа не учитывают местной, территориальной, этнической специфики [15, с. 30–39]. Средства массовой информации явились своего рода индикатором тревоги населения России. В информационных порталах стала появляться информация о неравномерном распределении ресурсов между регионами, игнорировании социальных проблем, коррупции и недостаточном обеспечении медицинских служб [16, с. 214–218]. Эта повестка дня, безусловно, усилила ажиотаж различных групп населения по поводу своего будущего, подрывая доверие к государству.

Пандемия обусловила системные изменения в механизмах межличностной коммуникации. В условиях кризиса молодежь столкнулась

новыми вызовами, начали развиваться новые формы трудоустройства, появилась сетевая форма социального активизма. Происходили существенные изменения в процессах восприятия и переработки информации. В России, по результатам исследования «Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн», около 98% молодых людей 13–24 лет используют Интернет ежедневно [17]. Цифровые медиа для молодежи сегодня — это основной канал получения новостей. Американский исследователь М. Пренски ввел понятие «digital natives» («цифровые аборигены»), тем самым подчеркивая влияние цифровых технологий на формирование особенностей медиапотребления молодежи [18, с. 1].

В российских исследованиях этому термину соответствует определение «цифровое поколение», к которому американские и европейские исследователи медиа относят миллениалов. По мнению М.Я. Ядовой, цифровая грамотность и интернет-активность миллениалов способствовали адаптивным практикам молодежи в условиях карантина. Социальные сети помогали поддерживать социальные связи, работать [19, с. 21–24]. По словам одного из респондентов, «вот я даже не особо понял, какие особые изменения у меня произошли в жизни, я также все за компом жил, играл, мне даже понравилось так, никуда идти не надо, никого видеть, и учеба дома и общение» (ПМА, Игнат, 20 лет). Вместе с тем высказываются опасения о том, что «экранное» общение может восприниматься как реальное, и молодежи, как наиболее компьютеризированному поколению, придется жить в новой реальности [20].

Для молодого поколения грань между реальным и виртуальным общением весьма размыта, и глубокие и значимые взаимоотношения устанавливаются как офлайн, так и онлайн. Среди опрошенных в 2021 г. 57% студентов привлекает общение как в социальной сети, так и вживую; вживую предпочитают общаться 32%; только гаджетами ограничиваются 10%.

Опрос показал трансформацию существующей модели межличностного общения: «Отношения с уже, так скажем, “наличествующими” друзьями и знакомыми существенно никак не изменились. Более того, за время пандемии даже приобрел новых товарищей, поскольку в условиях периодического избытка времени появилась замечательная возможность, пусть и преимущественно по переписке, но узнавать друг друга лучше» (ПМА, Иван, 19 лет); «В первое время контакты резко сократились или перетекли в социальные сети и мессенджеры, но в дальнейшем все вернулось на круги своя» (ПМА, Анна, 21 год); «Пандемия не сказалась на дружеских, товарищеских отношениях

между молодыми людьми, однако оказала существенное влияние на молодых людей, вовлеченных в романтические отношения, поскольку последние потеряли возможность физического взаимодействия, а для подавляющего большинства молодых людей романтические отношения ассоциируются прежде всего с вербальным общением: необходимость видеть друг друга, осязать друг друга и пр. Из-за локдауна и самоизоляции они были этого лишены» (ПМА, Юрий, 20 лет). Очевидно двойственное восприятие дистанционного общения во время изоляции: одни сетуют на отсутствие «живой» коммуникации, а кто-то смог адаптироваться и расширить социальные связи посредством Интернета.

В целом влияние Интернета на жизнь студенчества Республики Коми можно рассматривать амбивалентно. С одной стороны, студенты уставали от монотонного онлайн-обучения и отвыкли от очного формата занятий; с другой стороны, появилось больше времени на освоение новых возможностей Интернета: «Учеба была в дистанционном формате, для студентов это очень сложно, самостоятельно проходить темы, это большой труд для любого студента» (ПМА, Руслана, 21 год); «Больше года занимались дистанционно, и привычка уже сформировалась — на очных занятиях больше устаем, тяжелее концентрироваться» (ПМА, Яна, 19 лет). Из положительных сторон пандемии молодые люди отмечают появление свободного времени для саморазвития, получение навыков пользования онлайн-ресурсами: «Появилось много новых знаний, так как та интеллектуальная сфера деятельности, которой я занимаюсь, требует большого количества времени, и я искренне рад, что такого во время карантина было немало» (ПМА, Максим, 19 лет); «Из положительных моментов я могу отметить развитие навыков работы с интернет-ресурсами» (ПМА, Юрий, 20 лет). В то же время в связи с дистанционным обучением у некоторых респондентов возникли опасения о качестве полученных знаний; многие испытывали тревожность во время пандемии: «Во время карантина была общая тревожность, неуверенность в завтрашнем дне, постоянное напряжение, отслеживание новостей» (ПМА, Яна, 19 лет).

Молодые люди достаточно успешно адаптировались к новым реалиям, оказались более гибкими, чем старшее поколение, в выработке новых моделей поведения. Студенческая молодежь, и в обычное время интегрированная в онлайн-среду, смогла извлечь социальные выгоды из дистанционного образа жизни.

Экономический кризис периода COVID-19 привел к существенным долгосрочным последствиям для молодежи во всем мире, прежде всего потому, что в период пандемии суверенные государства

приостановили финансирование сферы образования и большого количества молодежных проектов, многие дети и подростки не смогли осуществить свои планы на получение качественного образования и достойной работы. В современных условиях один из самых острых вопросов — это справедливое распределение ресурсов между поколениями.

Кризисные явления охватили как экономику, так и социальную сферу, политику, общественные настроения. Для преодоления кризиса нужна квалифицированная и активная работа регионального политического менеджмента с привлечением федерального центра, так как региональные власти справиться с ним в одиночку не в силах. На вопрос о том, могут ли сложности и проблемы, которые возникли (и те, что имелись прежде) в экономике, социальной сфере и региональной политике, оказать влияние на авторитет республиканской власти и политических институтов, мнения региональных экспертов разделились. Так, 48,1% опрошенных считают, что падение авторитета власти уже происходит, и оно весьма значительно, а 40,7% — что текущие проблемы нанесли удар по престижу ведущих республиканских политиков и властей в целом, но они в силах повысить свой рейтинг за счет активных действий и честного диалога с населением. Лишь 3,8% респондентов полагают, что авторитету властей ничего не угрожает, он остается примерно на том же уровне, что и прежде.

Эффективность проводимой в Республике Коми молодежной политики оценивается следующим образом: 48,1% экспертов уверены, что проводится целый комплекс мероприятий, есть ответственные за молодежную политику, но она все равно носит формальный характер; 37% утверждают, что фактически такой политики в Республике нет; 14,8% затруднились ответить.

Особую тревогу региональных экспертов и властей вызывает интенсивный отток из Республики молодежи и прогрессирующее старение населения. Отток наиболее образованной молодежи принял повальный характер после пандемии и, как показывают опросы, многие молодые люди намереваются покинуть Коми. На вопрос, как можно остановить или хотя бы ограничить отток молодежи, респонденты ответили, что следует создавать больше рабочих мест, особенно высокооплачиваемых (66,7%); организовывать широкую и интересную инфраструктуру для молодежного отдыха и развлечений (66,7%); создавать не просто новые рабочие места, но современные инновационные производства, где могла бы работать «продвинутая» молодежь (63%); активнее вовлекать молодежь в бизнес и помогать им организовывать собственные фирмы в различных сферах производства и сервиса, предоставляя мо-

лодым предпринимателям льготные ссуды для организации собственного дела (55,6%).

В 2020 г. опрошенных студентов в большей степени волновали следующие проблемы: получение / завершение образования (59%), финансовые трудности (57%), потенциальное трудоустройство (45%), угроза распространения эпидемий и опасных болезней (33%), отсутствие собственного жилья (29%) [13]. Проблемы, связанные с межличностной коммуникацией с друзьями (8%), внутрисемейными отношениями (11%), не представлялись им существенными. Полученные данные подтверждают крайне неустойчивое материальное положение студенчества, многие представители которого еще не имеют собственного стабильного заработка. Экономические трудности и проблемы с трудоустройством являются основными последствиями пандемии, вызывающими отток молодого населения из Республики Коми.

Наибольший интерес у подростков вызывают следующие темы: 47% предпочитают тратить свое время на развлекательные передачи и шоу, среди них большую популярность набирают короткие юмористические видео; 40% интересуются культурными событиями; 32% наблюдают за политической жизнью; 31% следят за музыкальными каналами; 30% большинство своего времени проводят на ресурсах с молодежной тематикой. За экономикой страны наблюдают 23%; увлекаются криминальными историями и детективами 20%; за новостями спорта следят 18%; отслеживают жизнь «звезд» 12%. Только 4% опрошенных тратят время на театр и классическую музыку. Молодежными интернет-ресурсами заинтересованы 30%. За политическими и экономическими событиями в стране в общей сложности следят 55%, однако показатели по региону и по России отличаются: постоянно следят за событиями в регионе 12%, а в стране — 21%.

33% респондентов знакомы с сайтом региональных молодежных организаций и движений, 47% не посещали их. Социальная активность и волонтерская деятельность молодежи в период пандемии существенно возросла, появились различные всероссийские акции и волонтерские движения: «Мы даже больше стали участвовать в помощи людям, ходили с волонтерами, помогали пожилым, гуляли с инвалидами, приносили продукты и лекарства. Вот именно в период ковида я стала серьезнее относиться к нашей добровольческой работе, не просто массовые мероприятия, флешмобы всякие, но именно сама помогала конкретным людям, старикам. Это очень повлияло на меня» (ПМА, Антонина, 21 год). Многие молодые люди, так или иначе связанные

с волонтерской деятельностью, знают про такой волонтерский портал, как DOBRO.RU, однако среди опрошенных студентов 74% не зарегистрированы на нем, скорее всего они даже не слышали про то, что подобный интернет-ресурс существует; 17% следят за новостями и принимают активное участие в работе портала; 8% только зарегистрированы, но не ведут никакой деятельности.

Современная молодежь в целом адекватно оценивает возможные риски и последствия пандемии для себя и родственников, опасаясь повторного инфицирования. При этом далеко не все соблюдали противоэпидемиологические и профилактические меры в период эпидемии. Сомнения, особенно в первые недели карантина, вызывала потенциальная угроза вируса и рациональность осуществляемых государством мер. Пандемия и онлайн-обучение, с одной стороны, существенно усложнили привычную жизнь регионального студенчества. Молодые люди чаще испытывали стресс по поводу своего материального положения и трудоустройства, скучали по живому общению с друзьями. Определенные сложности вызвало и дистанционное обучение в формате «удаленки», который затрудняет восприятие новой информации. С другой стороны, пандемия стимулировала новые траектории адаптации и потенциальные возможности для молодежи, включая применение ресурсов удаленного доступа в образовании.

#### Библиографический список

1. Харитонова В.И. COVID-19: Новая тема медицинской антропологии // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). URL: [http://www.medanthro.ru/?page\\_id=4744](http://www.medanthro.ru/?page_id=4744)
2. Латова Н.В. Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 37–49.
3. Шипилов А.В. Возвращение домой. Заметки из самоизоляции // Социологические исследования, 2020. № 8. С. 135–144.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 145–157.
5. Климова С.Г., Климов И.А. Опыт перехода российских компаний на удаленную работу в ситуации пандемии // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 50–60.
6. Численность населения по муниципальным образованиям Республики Коми по полу и возрасту на 1 января 2021 г. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. 2021. URL: <https://komi.gks.ru/population>
7. Foucault M., Agamben G., Benvenuto S. Coronavirus and philosophers // European Journal of Psychoanalysis Issues. 2020. URL: <http://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/>

8. Маничкин Н.А. Биополитическая дискуссия о мерах социального дистанцирования и государственного контроля во время пандемии COVID-19: публичные заявления и масс-медиа // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). URL: [http://www.medanthro.ru/?page\\_id=4522](http://www.medanthro.ru/?page_id=4522)
9. Реушников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы. СОЦИС. 2020. № 7. С. 138–143.
10. Novikova T.O., Pirogov D.G., Malikova V.T., Murza-Der G.A. Negotiation COVID-19 in Russia on the Eve of the Introduction of Social Restrictions // Negotiation the Pandemic: Culterai, National, and Individual Constructions of COVID-19. Ed. by Ali I. and Davis-Floyd R. London; New-York: Routledge, 2022. P. 139–154.
11. Блинова Т.В., Вальшина А.А. Отношение студентов к пандемии COVID-19 и противоэпидемическим ограничениям // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 147–150.
12. Буркова В.Н., Феденюк Ю.Н. Медицинская маска как средство индивидуальной и коллективной защиты в условиях пандемии COVID-19 (кросс-культурные аспекты) // Вестник антропологии. 2020. № 3 (51). С. 74–91.
13. Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231–265.
14. Бахматова М.Н. Хроника коронавируса в Италии: «Мазуны» двадцать первого века // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). URL: [http://www.medanthro.ru/?page\\_id=4746](http://www.medanthro.ru/?page_id=4746)
15. Irwin R. Negotiating COVID-19 in the Media Autoethnographic Reflections on Sweden and International Reporting // Negotiation the Pandemic: Culterai, National, and Individual Constructions of COVID-19 / Ed. by Ali I. and Davis-Floyd R. London; New-York: Routledge, 2022. P. 27–41.
16. Малькова В.К. Коронавирус в российском информационном пространстве: социально-культурные аспекты // Вестник антропологии. 2020. № 2 (50). С. 206–224.
17. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн. Think with Google. 2017. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/consumer-insights/consumer-trends/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/>
18. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.
19. Ядова М.А. Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения // Siberian Socium. 2021. Т. 5, № 2 (16). С. 20–28.
20. Mcvey R.J., Clancy I., Price A.C., Dixon S.R.H., Qiu J., Song M. Youth in a Viral Age: a Collated Auto-ethnographic Response by Young People (Dis)oriented in Strange Times // Social Anthropology. 2020. Vol. 28, № 2. P. 289–290.